

Дом Ротшильдов

В 1931 году я переступил порог здания номер 19 на улице Лаффит — я пришел работать к «Братьям Ротшильдам».

Банк был акционерным обществом, действовавшим от имени коллективного юридического лица; его совладельцами были, помимо моего отца, два моих дяди, Эдмон и Робер. Основанный в 1817 году моим прадедом Джеймсом, банк был изначально французским отделением того европейского Дома Ротшильдов, который основал Майер Амшель и его пятеро сыновей, «франкфуртцев». Давно уже прекратили свое существование неаполитанское и франкфуртское отделения, было близко к краху и венское отделение, что объяснялось глубоким затяжным кризисом в Центральной Европе. И только лондонское и парижское отделения Дома Ротшильдов имели прочное положение.

Рождение и удивительный взлет Дома Ротшильдов в XIX веке были уже для моих современников не более чем легендой прошлого. Огромное состояние моей семьи, созданное благодаря исключительной успешности финансовых операций моих предков, вошло в пословицу и навеки стало связанным с самим именем Ротшильдов. Эта легендарность имени оставляла в тени те реальные усилия, которые были вложены в дело Ротшильдов поколениями их дедов и отцов. Как всегда, за деревьями леса не видать... Но я вырос в этом «серале» и, конечно, гораздо лучше мог представить себе, что же составило величие и репутацию моего прадеда Джеймса и его сына, моего деда, Альфонса.

Вопреки легенде, состояние Ротшильдов отнюдь не связано с разгромом Наполеона. Действительно, начиная с 1815 года Джеймс помогал Виллелю, премьер-министру Людовика XVIII, собрать деньги на знаменитый «миллиард для эмигрантов», заем, предназначенный частично компенсировать им тот ущерб, который был нанесен в результате грабежей и конфискаций в эпоху Революции. Но звездный час Джеймса настал в 1818 году, когда Франция подписала конвенцию с Австрией, Пруссией, Россией и Англией, согласно которой она принимала на себя обязательства по выплате ущерба физическим и юридическим лицам, пострадавшим от Наполеоновских войн. Общая сумма выплат должна была составить 240 800 000 франков (примерно 26 миллиардов французских франков 1982 года). Джеймс в ту пору был еще молод — ему было всего двадцать шесть лет, к тому же он тогда только что приехал жить во Францию. Но он взял на себя размещение заемных средств, необходимых французскому правительству для выполнения подписанной конвенции. Он предложил правительству условия куда более выгодные, нежели те, которые пытался навязать Франции финансист Лаффит. Благодаря Джеймсу, Виллелю удалось начиная с 1823 года осуществить весьма выгодную конверсию этого займа, за что он публично в самых хвалебных словах благодарил Джеймса.

Благодаря этому успеху, неумолимой деятельности и незапятнанной репутации, Джеймс фактически обеспечил себе положение монополиста в области крупных европейских государственных займов, общая сумма которых исчисляется двенадцатью миллиардами золотых франков, прошедших через руки Джеймса за всю его профессиональную деятельность.

Джеймс не забывал и о том, что во Франкфурте в XVIII веке его отец и все его предки были коммерсантами еще до того, как стать финансистами, и он не упускал слу-

могли приступить к систематическому развитию торговой части нашего банка. Так и было сделано.

Одной из наших первых инициатив стало создание импортно-экспортной компании «Трансокеан», способной организовывать взаиморасчеты без оплаты. Она просуществовала всего лишь несколько лет и скорее затруднила, чем облегчила нам жизнь. Лишь одно связанное с этой компанией деяние можно причислить к славным: в 1954 году ее последним директором стал Жорж Помпиду.

* * *

Более важной для будущего — как я уже писал — была «Компани дю Нор», акции которой котировались на бирже, что открывало перед нами большие возможности. Я стал президентом этой компании в 1950 году, после смерти отца. Как оказалось, вовремя, чтобы противостоять неожиданному кризису: представитель биржевой конторы Перро Соссин, с которым я был не знаком, сообщил мне незадолго до годового собрания акционеров, что его фирма скупила много акций и хочет начать с нами борьбу за перераспределение полномочий. Несомненно, наше положение было прочным, но у меня не было полной уверенности, что мы контролируем компанию, акции которой продавались очень широко. Руководствуясь здравым смыслом, я предпочел начать переговоры. Меня приятно удивила скромность выдвигаемых требований: контора хотела фигурировать в списке плательщиков купонов и назначать своего ревизора. Это показалось мне приемлемым, и позднее я мог лишь хвалить себя за сделанный выбор. Случай, однако, заставил меня насторожиться. Он доказывал, что биржевики сомневаются в нашей надежности и сомневаются во мне, лишь недавно появившемся на финансовой сцене. Я должен был доказывать свой авторитет и свою решимость.

148

Через два или три года мелкая финансовая газетка выдумала, будто бы «Компани дю Нор» располагает значительными резервами, которые держатся втайне. На годовом собрании мне пришлось отвечать на вопросы, поставленные так, чтобы сбить меня с толку. В течение нескольких минут я отвечал с заминками, притворяясь смущенным. Потом я назвал подлинные суммы. Провокация завершилась бесславно, и мои противники покинули зал, не дожидаясь конца собрания.

С этого дня моя репутация стала устойчивой, и мне уже никто не досаждал. Через несколько лет, когда мне пришлось занять пост президента компании «Пенарройя», один биржевой маклер, которому доставляло злорадное удовольствие травить моего предшественника, начав работу со мной, прекратил подобные выпады и стал для меня настоящей поддержкой.

Таким образом, мои позиции как полноправного банкира укрепились, и после нескольких лет, которые можно было назвать годами «консолидации», пришел час серьезных дел.

В 1953 году инвестиционные компании получили особый статус, который сделал их более выгодными и более легкими в управлении, чем холдинги. Это позволило нам создать инвестиционное общество «Сосьете д'Инвестиссман дю Нор», куда частично вошли активы «Компани дю Нор». Эта компания смогла распределить между собственными акционерами на условиях освобождения от налога акции, которые она приобрела у нашего инвестиционного общества, и которые, таким образом, получили очень широкое распространение.

«Сосьете д'Инвестиссман дю Нор» также получило от членов нашей семьи пакеты акций «Шелл», «Ройял Дач», «Ле Никель», «Пенарройя». Наша доля в этом инвестиционном обществе намного превосходила долю остальных ак-

149

Л